

денис соболев

через

Издательство
«Геликон Плюс»

Денис Соболев

Через

«Геликон Плюс»

2020

УДК 82.1.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Соболев Д. М.

Через / Д. М. Соболев — «Геликон Плюс», 2020

ISBN 978-5-00098-254-9

Денис Соболев – прозаик, поэт, литературовед и культуролог, автор девяти книг

УДК 82.1.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-00098-254-9

© Соболев Д. М., 2020
© Геликон Плюс, 2020

Содержание

Камнепад	6
Портреты	12
Листья	12
Олива	13
Тростник	14
Рябина	15
Кипарис	16
Тис	17
Ясень	18
Бамбук	19
Лебеда	20
Жасмин	21
Плющ	22
Клен	23
Ольха	24
Лавр	25
Сирень	26
Сосна	27
Береза	28
Ель	29
Вещь	30
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Денис Соболев
Через
Стихи

© Соболев Д., текст, 2020

© Геликон Плюс, оформление, 2020

* * *

Камнепад

Небо в серой пене жары.
Камни, выскальзывающие
Из-под подошв. Ищущие
Опору ноги. Скользкое
Тело скалы, по руслу,
По тропинке, вниз.

Шаг, движение стопы,
Шаг, шаг, еще

Серая земля, красные
Скалы, черные скалы.
Небо в голубизне,
Жаркой, густой,
Наполненной, сладкой.
В синем окоеме небо,
Тело напитано потом.
Серое небо жары,
Небо в сером, в серезне.

Но стопы продолжают
Спускаться,
Шаг, жар.

Горячий воздух
Руки жары вытягиваются
Пытаются забрать.
Что?

Вдруг холодно.
Жарко, холодно,
Но почему?
Где?

Наверное,
Об этом спрашиваю,
Где, здесь, куда.
Нет, и это тоже —
Это не тот вопрос.

Холодно. Если бы шапка,
Ее нет с собой.
Да, была бы куртка,
Валенки, перчатки, шарф,
Или просто

Было тепло.

Тогда, наверное,
Было бы можно
Не бояться холода;
Или даже
Холода темноты.
Но не помнить о нем
Нельзя. Помнить – значит
Бояться? И лгать?
В любом случае, их нет.

Шорох падающих камней.
Тишина других шагов.

Когда-то казалось,
Что идем вместе.
Не как в фильмах,
Конечно, обмахиваясь
Прибаутками,
Перемигиваясь.
Но все-таки в таком
Общем что ли, без имени.

Почему же все они вот так
Попрападали? Первыми,
Вторыми. Что-нибудь
Да нашли, наверное, не воду,
Струящуюся из-под камней.
Деньги, комфорт, стремления,
Зависть, забвение, усталость,
И рутину.
О, наезженное!
Наезженное вскользь.

Или только делают вид,
Что нашли?
Или, может быть,
Их и не было?
Это неважно.
Сейчас они не идут.

А те, другие,
Были такими реальными,
Несомненными, телесными,
Умеющими быть нежными,
Хотя и чуть призрачные
Слишком сменяющиеся.
С ними бывает так людно,

Шумно, так тесно,
Почти что тучно,
Когда они рядом.
А потом их нет.
Как будто и не было.

И все же после них
Нет пустоты. Только
Странно. Сухость, где
Уже нет нежности, но
Время снова становится
Просторным. Еще
Разочарованность:
Чуть болезненный
Разрыв очарования,
Или очень больно,
А потом ничего.

Не это ли быть в плену,
В захваченности ничем,
Одержимость ничто?
Нет, не так, они не ничто,
Любовь не ничто,
Не ничто и влечение.
Они здесь, преходящее.
Но и их вдруг тоже
Не стало среди скал
Долины. Пусто.

Неожиданно
Вечер, темнеет.
Усталость. Временами.
Все чаще.
Но все так же жарко.
Еще жарче.

Где-то там те дальние,
Те далекие страны,
Бывшие и небывшие,
Великие и неприметные,
Уютные, захватывающие.
Но и они не здесь.
Как же они так могли?
Целая страна пропасть?
Целые земли – и нигде?
А что где?

Раз, раз, раз,
Незаметно, вслед за шагом

Теряя. Но теряя куда?
Где они те любящие глаза,
Собеседники, пространство,
Иллюзии. Может, все они
Тоже видения, но они
Не иллюзии, просто
Тропа спускается
Сквозь скалы,
Через время,
Сквозь темноту.
Дальше.

Усталость проходит.
Приходит. Проходит снова.

Так шаг за шагом
Теряя, оставляя вдоль тропы.
Чужие глаза, руки, слова.
Книги, звуки, превратное.
Желания, сны, даже мечты,
Куртки, шапки, носки,
Вещи, припасенные
Накопленные, припрятанные.
А если там внизу, к ночи,
Будет холоднее?

Все равно, оставляя
Вдоль тропинки
И футболку, и брюки,
Ключи от машины,
Ключи от дома,
Документы,
Кроссовки, трусы,
И кожу

Сначала царапая,
Потом обдирая,
Как коленки в детстве,
Ссадинами, лоскутками,
Теряя вдоль шагов,
Где становится жарче
Вдоль долины,
И уже так темно,
Что невидно, осталась ли
Еще кожа, еще тело,
Осталась ли память,
Или ничего.

Почти совсем ничего.

Не совсем.

Не ничего.

Как в темноте звучит боль?
Как струна без скрипки?
Как слово без говорящего?
Как разрез без тела?
Как огонь без ветра?
Разрывает небытие.
Как свет без долины?

Почему же воеет душа?
Черное на черном.
Черная ночь души.
Горят стопы.
Красные на красном.
Вокруг так темно.
А в душе светло,
Вспышками, сполохами
Ясности. Выжигающей.
Делающей видимым.
Светящейся. Исчезающей
В темноте.

Спускаться дальше —
и есть подниматься.
Становится жарче —
там где холоднее.
Помнить о другом крае,
не боясь, что его нет;
Конечно же, боясь,
что его нет.

Шаги вниз уходят шагами вверх,
Сбросивший кожу
Ее не найдет.
Но найдет не кожу.
Найдет ли?

Ступни продолжают спускаться.
Но нет ступеней,
И нет ступней.

Спускаться – подниматься.
Подниматься – спускаться.
Идти не значит стоять.

Шаги сквозь огонь и ветер
К там свету. К свету здесь.

Сквозь жар пути
Горит земля.

Хайфа 2011

Портреты

Листья

Отпечатки ступней на песке, косогоре времени;
Отпечатки лиц на ладонях памяти. Как помнят?
Как забывают? Дубовая рама, узкий багет, там.
А что здесь? Лица, осколки слов, оттенки кожи.

Портреты – как дыхание, здесь островки бытия
Там, губы пока без движенья потом начинают
Двигаться. Холст, грунт, краска, рама, но руки,
Глаза не здесь и там, во встречах, неутраченных.

Листья людей разрезают провалы времени, искры
Вспыхивают, затухают; под небом дня и ночи,
На ветру, листопадом. Мира, где уже нет, не будет.
Вместе быть – невозможно, неизбежно, случайно.

Листопад лиц – наполненных, пустых, дышащих;
Ничто, пыль случая, зеркало взгляда, они с собой.

Олива

Город, светом взошедший над пустой землей,
Памяти узкой и тесной вкус горячий, сухой.
Снег кружится в забвении над растаявшим льдом,
По холодным пространствам ты пройдешь босиком.

Волны памяти меркнут, как огни над мостом,
Как шаги по тропе за прибрежным песком.
Тени памяти вспыхнут и наполнится круг,
Той любовью и ложью, синевой и листвою.

Говори же ты с ними, чей так короток взгляд,
Обращенный в пространство и ушедший назад;
Там скользит над землею уходящей волной
Страсти, горечи, боли, равнодушия рой.

Я забуду прощаний ясный горестный ряд,
Облегченье, молчанье, шум бесцельных бравад.

Тростник

Как волны светлые наполнены дождем,
Так ясен и высок твой взгляд в промозглой
Ночи, где по краям земли и рубежам обочин
Горьким огнем весны горят ее цветы.

Ты помнишь темноту, далекий плеск шагов?
Невидимых, речных, знакомых, бессловесных.
Шуршание воды и эхо дальних тесных,
Слишком приземистых, ответных голосов.

Сквозь воды, снегопад, пустынный жар
Земли я помню отблеск глаз холодных и
Бессветных, тугих, возвышенных, телесных,
Бесчувственных – оставшихся, как пар,

Загадкою, принявшей форму зеркала души.
Но чьей души? Я видел отраженье лишь своей.

Рябина

Заиндедеввшие поля земли и неба
Коснулись темноты, коснулись глухоты.
Мы шли вдоль луга, посветлевшего от снега,
И зачарованно на снег смотрела ты.

Узкая речушка ледяным межзвездьем
Вилась между холмов, пологих и нагих.
А церковь на излучине, прямой и вечной
Тенью, протягивала свет к окраинам души.

Дул слабый зябкий ветер, замерзали уши,
Вечер горел огнем дальних домов и звезд.
Ты шла безмолвно и бесслезно, не касаясь
Суши, в вечернем свете на краю земных шагов.

Потом сказала, «Что-то я замерзла. Задолбало
Топать. Пора похавать и потрахаться, и спать».

Кипарис

Подожди меня в кафе, внизу, я сейчас спущусь,
Ты пришла чуть раньше, чем сказала, что ты.
Должен был подумать, что так будет, и ждать,
Ты идешь впереди времени, но оно недвижно.

Светятся ли твои глаза или сквозь них душа?
Улыбка полна смеха, а тело движений. Руки
Держат чашку, отброшены, касаются ладоней,
Записывают. Мне не уследить за их листвой.

Искрами полноты мира пересыпан твой шепот.
Невозможно не радоваться тебе. Но я помню
И то, какой ты бываешь перед собой, наедине
С холодом мира, где искры пусты. Как наполнив

Ладонь таблетками от абсурда, сказала, «хватит».
И сейчас, смеясь, ты думаешь: завтра или потом?

Тис

«Давай выпьем», сказала ты тогда равнодушно.
«Давай», согласился я. «Ты только не подумай»,
Продолжила, «Обычно я не пью, даже не курю».
За окном черные ботинки и туфли под дождем.

Ты рассказывала об отце с холодными глазами,
Матери-истеричке между кухней и телефоном,
О молодых людях, живших планами на успех.
«Расскажи о себе», добавила ты, «Пожалуйста».

Утром твои белые волосы на белой подушке.
Ответила взглядом озабоченным, недоуменным.
«О чем мы вчера говорили?». «Да так, толком
Не помню», сказал я. Ты кивнула, «Хорошо.

Не выношу разговоров по душам. У каждого
Свое одиночество, и незачем их смешивать».

Ясень

Голубая земля, белые стволы, черные письма.
Ты дремлешь о земле, где полны глаза и весна;
Говоришь о мире, в котором сбывается – светлое,
Как утренний снег; среди осколков и руин побег

Сна из времени и во время. Твое будущее цветное,
В полушаге; тебе снится яркое, мирское, земное.
Твои глаза деятельны и слова горят; в упругий шаг
Складываются поступки; ты бежишь, вслед и в ряд,

По ступенькам самообмана – в городе циклопических
Башен и дальних дорог. Иногда тебе кажется, рядом,
Что еще шаг; иногда кажется, никогда. Нежностью
Полны твои глаза, но раздаешь ты ее с расчетом.

Обманывают ли тебя – ту, еще в мире белых стволов?
Обманываешь ли себя сама, ради корысти и свечения?

Бамбук

В грацию мелочей кажешься погруженной, проходя
Мимо вещей будто касаясь; упругие движения ламы,
Прозрачный сон среди душной тяжести людей. Горящей
Чернотой полон взгляд; ты ведь знаешь, смотрят на тебя.

Вытягиваешь руки и опускаешь; шаг, отклик тела.
Лицо обращено, искренность наполнена, касающиеся
Губы чуть дрожат. Грация твоих слов, истина тела, как
Хочется им верить, легко поднимаются над мирозданием.

Твое тело прекрасно. Не иллюзия сотворенная, не иллюзия
Несотворенная; отражение души, потерявшейся в лабиринте
Самообмана. Винить тебя в этом? Ты черства, непрозрачна,
Но как рысь, рыщущая в поисках добычи, только тень иного.

Убила ли ты в себе душу? Не знаю. На ладонях остатки пепла.
Если будешь ее искать, нить к ней в памяти о любивших тебя.

Лебеда

За окном льется холодный дождь, дрожат кусты.
Опустив голову в ладони, ты думаешь о том
Теплом, уютном, полном, что на краю горизонта,
О сытном, о недоставшемся. О том, что у других.

Там поют золотые цветы, наполненные солнцем,
Там время ярко, а земля плодоносит черешней.
Мне жалко тебя, мне всегда тебя было жалко.
Ты плачешь над каплями своей разбитой души.

Но знакома ли жалость тебе? Скажи, каков ее вкус?
Чье сердце ты согрела, делясь душой или раздавая
Благодарность, открывая руки? Ты не услышишь,
Если тебя спросить. Или ответишь: «Кара? Месть?»

Справедливости мало. И, нет, конечно, это не месть.
Но оглянись. Ты живешь в том мире, который твой.

Жасмин

Да, дорогая, ты смотришь на себя, как на товар.
Многие настоящие мужчины тебя этому научили,
Многие заботливые подруги научили тому же.
Так зачем же увилывать: ты видишь в себе товар.

Здравствуй, витрина, здравствуй. Разве можно
Не радоваться тебе? Твои чудесные волосы
Легко положить на ладонь; твои губы полны
Поцелуями, глаза – словами, а тело – влеченьем.

Твои руки прекрасны до самых краев ногтей,
Бедра немного покачиваются, но не слишком.
А твои ноги? Совсем, как у настоящей куклы,
Их хочется целовать. Милая, ты почти совершенна.

Что-что, личность? Ведь тебе не стыдно за меня?
А мне за тебя? Отлично! Проведем отличные дни.

Плющ

Ненасытное тело, вьющееся, час за часом
Ищущее соприкосновений, движений, ласк;
День за днем. Грудь, боящиеся потеряться;
Бедро, боящиеся остаться одни. Лицемеришь?

Засыпаешь. Ты не показываешь себя, тебе
Не до этого. Не играешь в словесные игры,
Зачем они тебе? Сегодня мы уже общались,
Да и говорить проще так, без лицемерия.

Постель за постелью, но что тебе до того.
Ты лжешь, но не обманываешь; разве
Правду ты ищешь в чужих телах, а они
В тебе? Сегодня утром был кто-то другой.

От твоих сестер видел хорошее и плохое.
От высокоморальных – плохое. Рядом?

Клен

«Наверное, нам не стоит друг друга обманывать»,
Ты сказала, прижавшись щекой, «Разве так плохо,
Что наши интересы сошлись, и разве так стыдно,
Разложить их на подушке, как карты мира». «Быть —

Значит хотеть, хотеть – значит действовать». «Нет
Интереса, нет будущего». Или я придумал эти слова
За тебя? Тебя так учили, раскладывая перед глазами
Карты будущего: козыри, девятки, меченые рубашки.

«Как я могу тебя любить?», спрашивал я себя тогда,
Выученную к расчету, взвешивающую и скрытную.
Ведь так отчетливо помнил огни души, высокие слова,
Захватывающие и страшные. «Как же я любил тебя?»

Но рты красивых слов смылись в провалы прошлого;
А ты все еще звонишь и спрашиваешь, «Ну как, блин?»

Ольха

Поступь быстрая, неустойчивая, незнающая
Рыжие волосы разбросаны, широких скул поверх,
Дыхание сильное, глубокая грудь в полноту
Воздуха, слов потоком живым, переполненным.

Страсть с перепадами в застенчивость, депрессия
Счастья. Ты живешь в мире, где птицы поют хорами,
Где дома говорят, небеса полны травой, а люди
Полны абсурдом. Глядя на них, ты веришь в лучшее,

Вида худшее. В нищете ты смеешься. Среди кипарисов
Плачешь. Пьяная среди трезвых, не понимающая в людях,
Мечтающая в мире желаний и планов, ты живая среди
Мертвых. Твое тело – жертва в одиночестве и в радости.

Протяни мне руку, не спрашивая, венами вверх,
Я хотел бы помнить тебя такой, какой ты сама забудешь.

Лавр

Я спросил тебя, где здесь вход на вокзал и
Кассы. Ты хотела пойти со мной показать их,
Чтобы я не потерялся один на чужом вокзале.
Мне стало неловко; разумеется, я отказался.

Тонкий профиль гречанки, о твои глаза, светлый
И чуть надменный взгляд. Небольшой чемодан,
Я предложил его донести. Но ты отказалась.
«Поезд на Салоники отбывает через две минуты».

«Я еду в Салоники», сказала ты, «Здесь я учусь».
«У вас там семья?» Ты кивнула. «Когда-то там
Жила очень большая семья, а потом стала совсем
Маленькая. Вы, европейцы, знаете, как это бывает».

«Мне тоже в Салоники», закричал я закрытой кассе,
«Мой поезд уходит в Салоники». Тогда и ежедневно.

Сирень

Через волны времени, разбивающиеся о скалы утраты,
Сквозь зеленеющие поля, полные весенним ветром,
И осенний снег на лугах, спускающийся к речной
Воде, беззвучно бьющейся в водоворотах, горечь тумана,

Я вслушиваюсь в твой голос, пытаюсь услышать там
За провалом памяти, где его не коснутся, почему же
Не коснуться голоса, не протянуть руки, не прижать
Руки к его волосам? Бейся душа цветом сирени.

Тот лжет себе, кто не знает затуманенной горечи утраты,
Давящей пропасти необратимого, жгущего дыхания
Несбывшегося. Ты там, время, за которое не заглянуть,
Сквозь которое не выдохнуть – вода, луг, поле, скала.

Кто же стоит на рубце времени, на этом краю памяти?
Мне нет дела, кем ты стала по эту сторону прошедшего.

Сосна

Ты помнишь, как дрожал замерзший Инд,
И как светилось южное сиянье?
Как в облаках, призывно-голубым,
Горели осень, страх и тьма без покаянья?

Обледенелый ветер бился через сталь,
Звенели стекла, снег кружился над обрывом,
И на губах еще мерцал тибетский чай
Со вкусом поцелуев, неба и крапивы.

Обледенелое шоссе ветвилось через свет,
Там, где земля и небо сходятся на тонкой
Грани звука, где шум души и вечности ответ
Другу другу откликаются холодным стуком.

Ты помнишь времени застывшие шаги?
Ты их забыла, ты права, должна была забыть.

Береза

Светлый неба разлет, эркеры, фонари.
Праздничный невольский лед, солнце и свет земли;
Горестный невольский лед, серый туман и пурга.
Краем ты не пройдешь, обочина не дорога.

Встретимся у метро. А где? Внизу, наверху?
Ты натянула на уши шапку, намотала шарф,
Засунула руки в карманы пальто. Холодно,
Скользит поземка, вдоль улиц, где все и никто.

А у Владимирской церкви не повернуть назад,
В городе, где недели и годы проходят как день,
Но каждый подлунный день – это рай и ад.
Станций теперь стало две, мы ждем не у той.

Две не отбрасывают тени, двое не встретятся на
Одной. Но я вижу тебя сквозь поземку времени.

Ель

Высокие скалы памяти, синие ледники.
Мы ли здесь не заблудимся? Нам ли тут не пройти?
Не у высокой ли кромки – тропинка, вешка пути?
Гималаи – горы любви, забвения и реки.

Реки, что одна из многих, скатывается сквозь туман,
Сквозь дым, покрывающий время,
Ручьи чувств, дальний свет, поленья,
Сквозь тусклую чашу образов. Дальнее – не обман.

Но никому друг к другу по снегу уже не пройти.
Там на заливе сосны, ряска, соль и песок;
Там на озере солнце, будущих чувств росток.
Время пройдет прибоем, и прошлого не найти.

То, что не было, – было, будет, не будет – всегда;
Лица, слова, движенья. Но память светлее огня.

*Хайфа,
2008–2014*

Вещь

* * *

Стол.
Тени, падающие под углом.
Кофе. Белая чашка.
Чашка кофе.

Музыка за стойкой бара,
Официантка рассматривает диск.
Кивает.
Мы давно знакомы.
Шум почему-то почти не слышен.

Сознание разомкнуто, сомкнуто,
Неисчислимо.
Сознание мира

В белочерной горсти
Воздуха. Точке времени
Здесь и
Через все пространство
Прошлого
Памяти
Рваное

Но всюду – там.
А что здесь?
Где я?

* * *

Бесформенный
Рваный
Просвет неба сквозь

Верхушки сосен.
Я иду,
Ноги легко,
Глядя на него,
Вспыхивает просвет мысли

Также всполохами,
Пульсируя, неясно.
Как если бы что-то уже
Откликнулось,

Как если бы тому
Откликающемуся
Мне было что сказать
Отчетливо.

Заговорить.

Но не так:
Напряженное, дрящущееся,
Бессловесное,
Неопределенное —

Почти что просто густоголубое
Сквозь зеленое.

* * *

Высокий окоем окна
Гаснущей голубизною
Неба, но
У окна никого

Пустые диваны
Пустые кресла
Незанятые стулья

В воздухе тихо
Тихо тяжело

Брошенная книга
Чистая посуда
Грязная посуда
В раковине

В раковине
Не слышен
Шум моря
Никому не слышен

Надо прибраться
Можно не прибираться
Не нужно

В комнатах тишина
Тромбоны души
Не проливаются

Здесь нет
Здесь никого
Никто, нет
Не здесь

* * *

Письменный стол,
За которым
Почти не пишут.

Письма,
Которые уже не напишут,
У них нет адресатов,
Но еще есть
Адресаты мыслей.

Поверхность жизни,
Невидимая взглядом.
Попытаться всмотреться?

Черновики, бумаги,
Провода, карандаши,
Скрепкошпигатель,
Настольная лампа,
Но взгляд не там.

Он в обрамленном
Черным, стоящим
На столе, окне
Приоткрытости,
Видения и иллюзии —

Силы присутствия,
Изобилия ненужного,
Иллюзии смысла.

Но кто мы,
Под взглядом безликого
Оттуда?

Безликое – не вещь.

Я не вещь,
Но отражен в вещах

К себе

* * *

Мейлы.
Пишут быстрее,
Чем я отвечаю

Как же их много много

Хочется назвать письмами,
Но писем не стало.
Звякающее время
Опустошенных слов.

Информация, ложь,
Реклама, объявления,
Вопросы, просьбы,
Претензии, благодарности,
Спам, фейк, треш.
Надоели.

Хотелось быть человечным,
Даже вежливым.

Но, получив свое,
Исчезают.
Зачем они все?

Вокруг мейлов люди,
Звонят, приходят, исповедуются,
Жалуются, пропадают.
Как? Теми же словами.

Люди-мейлы,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.